

Плейлист

John Newman – Past
Elton John, Dua Lipa – Cold Heart (PNAU Remix)
The Weeknd – In Your Eyes
Shawn Mendes – There’s Nothing Holding Me Back
Nick Jonas – Find You
Charlie Puth feat. Selena Gomez – We Don’t Talk
Anymore

В наушниках Наны:

John Newman – Losing Sleep
Michael Jackson – Rock With You
Bruno Mars, Anderson.Paak & Silk Sonic – Skate
Earth, Wind & Fire – September
Diana Ross – I’m Coming Out
Oliver Cheatham – Get Down Saturday Night
(New York mix)
Bill Withers – Lovely Day
The Gap Band – You’re My High
Tavares – Heaven Must Be Missing An Angel
Phil Fearon & Galaxy – Dancing Tight
Tony Manero – SuperSexy Girl
Andy Abraham – This Old Heart of Mine (I love U)
The Whispers – And The Beat Goes On
Patrice Rushen – Forget Me Nots

Мы близнецы, мы все делим пополам.
То, что его, — мое, а то, что мое, — тоже мое.

X/ф «Двадцатый век»
(Novescento)

Пролог

Это не Он

Капли дождя смешивались со слезами и сбегали теплыми струйками по шее. Они забирались под воротник тонкой кожаной куртки и противно саднили кожу. Я до боли прикусила губу, и во рту немедленно распространился неприятный металлический привкус крови.

Ба-бах!

Одновременно с жутким грохотом темное небо разрезала яркая молния. Вспыхнула и исчезла, заставив меня вздрогнуть. И вдруг опомниться.

Что я здесь делаю? Зачем жду его? Поговорить? Но о чем?..

Я откинула прядь мокрых волос с лица и решительно двинулась прочь. Вдоль по улице вниз, в ту сторону, куда утекали потоки воды. Дождь опять усиливался, уже хлестал меня по щекам, забирался в глаза, в уши, бесцеремонно лез под одежду. Промокшие джинсы противно липли к ногам.

Не выдержав, я побежала.

Прочь от него. Прочь отсюда. Из этого города, из его жизни. С обещанием самой себе больше не верить никогда и никому.

А ведь еще хотела открыть ему свою тайну, глупая. Думала, выслушает, поверит, примет такой... Стисну-

ла зубы и зачем-то дала волю слезам, чего не позволяла себе с самой смерти матери.

Сама не поняла, как преодолела расстояние до здания Старого вокзала. Быстро взобралась по железной лестнице, тянущейся длинной змеей вдоль стены до самой крыши. Замерзшими руками достала ключи, вставила в замок и повернула. Массивная металлическая дверь отворилась со скрипом.

Я вошла внутрь и хлопнула ею так, чтобы уши заложило. Чтобы еще больше себе сделать. Сделала несколько шагов и принялась искать глазами рюкзак. Опять дорога, опять города, новые люди, новые лица, скитания...

Да чтобы оно все... провалилось... Куда идти? В такой час. В такую погоду.

Я замерла у огромного окна, по которому барабанили холодные капли. Приложила дрожащие ладони к стеклу. Город ничего не чувствовал: все так же горели окна высоток, мелькали огни машин, снующих туда-сюда. Из-за них на чердаке старого вокзала никогда не было темно. Тысячи огней. И света луны не надо. Весь мир как на ладони. И я перед ним. Одна.

Остервенело сорвала с себя мокрую куртку, швырнула на пол и принялась лихорадочно сдирать водолазку.

Завтра. Меня. Здесь. Не. Будет!

И вдруг застыла, услышав скрип входной двери. Сердце шумно ухнуло вниз. Еще и лицо, как назло, застряло в дурацком вороте. Сдернула наспех водолазку и обернулась.

Там стоял Он.

Он!

Мокрый весь, растерянный. Почему? Ну да — ему же не приходилось раньше видеть меня без одежды. Опустив взгляд в пол, парень принялся жадно хватать

- Сердце на двоих -

ртом воздух. В этот момент дверь за его спиной неожиданно захлопнулась и отрезала нас от шума дождя. Мы остались в странной, пронзительной и зыбкой тишине.

— Ты?

Я освободила руки от рукавов и бросила промокшую почти насквозь водолазку прямо на пыльный каменный пол. Сделала шаг навстречу. Еще шаг.

Всего час назад мне так много хотелось ему сказать. Признаться, что растеряна, что совершенно не понимаю, что с нами творится такое, что запуталась в собственных чувствах. Но сейчас... Увидела его, и сомнения словно рассеялись.

Он стоял, не решаясь подойти и взглянуть в глаза. Тонул в неловкости и волнении и, кажется, подбирал какие-то слова. К чему они теперь? Я смотрела на него и понимала, что все сомнения были такой глупостью. Пустяком, нелепостью.

Он здесь. И он мой. Высокий, тревожно ссутулившийся, с капающими с кончиков мягких каштановых волос каплями дождевой воды. Такой знакомый, привычный и понятный. Кажется, дотронься — и все проблемы решатся сами собой.

— Я пришел, чтобы сказать... — начал он, стоило мне подойти вплотную и взглянуть в его глаза, в которых отражались сейчас все огни ночного города.

— Не надо, — попросила я, хватаясь за край его влажной футболки и оттягивая на себя.

Мы поссорились не из-за чего. Все же было просто. Только ты и я, остальное — выдуманные нами же самими проблемы. И я тебе сейчас это докажу: мой поцелуй скажет лучше тысячи слов.

Встала на цыпочки, потянулась вверх и коснулась его нежных и таких горячих губ. Ему пришлось наклониться мне навстречу. Я мягко тронула ладонью его

- Лена Сокол -

шею, прижалась и поцеловала еще жарче: теперь уже по-настоящему. И он ответил мне так, словно для него это было в первый раз — вот так целовать меня, касаться моих влажных губ.

Твердые теплые ладони, скользившие по моей пояснице, ощутимо подрагивали: он не хотел этого показывать, но совершенно точно волновался. Хотел доказать, что может быть нежным. Дать той трепетной ласки, которой не одаривал прежде. И теперь я его узнавала. Узнавала того мальчишку, каким он был на нашем первом свидании: настоящим, открытым, добрым, чутким.

Прижалась сильнее, слыша, как тихо стало вокруг. Все исчезло, кроме наших жарких объятий. Из звуков осталось лишь его дыхание, из ощущений — бьющееся в груди сердце. И руки: напряженные, но удивительно бережные, нежно скользящие по моей спине, обжигающие касаниями кончиков пальцев.

Я не смогла сдержать стона и закрыла глаза. Позволила обхватить себя сильнее. Окунулась в удивительно приятный мужской запах. Растворилась в нем, теряя себя, и с удвоенной силой принялась отвечать на поцелуй, становившийся все энергичнее и горячее.

Сама не поняла, как дала волю своим рукам и всем потаенным желаниям, которые сдерживала прежде, терзаясь сомнениями. Пропала, позабыв про разум и здравый смысл.

И вдруг вспышка. Озарение! В одну секунду я вдруг осознала, почему сегодня он казался мне совершенно другим. Каким-то новым, нестерпимо чутким и ласковым...

Открыла глаза и вздрогнула, встретившись с ним взглядом. Мысль, пришедшая в эту секунду в голову, ударила в подсознание ножом: это не Он!

Не Он...

Сколько весит ваша жизнь?

Если хотя бы на миг представить, что вам пришлось переезжать из одного города в другой, то как бы вы перевозили свои вещи? Наверняка наняли бы грузовик, чтобы могла уместиться вся мебель, техника, посуда, весь гардероб и прочие мелочи. Но на сколько килограммов бы потянули все эти вещи? Страшно даже подумать, да? А ведь это и есть вся ваша жизнь.

Есть такой хороший психологический прием. Вас просят представить тяжесть вещей, которые необходимы вам для существования. Начинается все с документов, продолжается любимыми шмотками, драгоценностями, дорогими гаджетами, наушниками к ним и прочим. А еще ведь есть кровать, любимая машина, уютный дом.

С ними как быть? Не оставить же кому-то постороннему, правда? И все это, собираясь на ваших бедных плечах, становится тяжелее, давит сильнее и еще сильнее. А потом вам вдруг предлагают представить, что начался пожар. Что бы вы хотели спасти из всего этого?

И вот здесь начинается самое интересное. Кто-то вспоминает про дорогие сердцу фотографии, старые безделушки, несущие определенную память. Мучительно решают, что захватить. Но на самом деле

вас не должно удерживать ничего из перечисленного. Пусть горит. Чем больше вещей вас окружает, тем больше страх потерять их.

Меня зовут Нана.

И моя жизнь весит всего два килограмма.

Вся она уместается в старом сером рюкзаке из потертого текстиля и состоит из теплой толстовки с капюшоном, джинсов, паспорта, сменной пары нижнего белья, музыкального плеера, а также резинки для волос и расчески. Больше у меня нет ничего.

Вру.

Еще есть наушники, но те вечно болтаются на шее. Если только не прикрывают своими большими подушечками из искусственной розовой кожи мои замерзшие уши.

Да, ночью бывает холодно. Особенно если тебе негде ночевать.

575 дней до прибытия на Старый вокзал

Из телевизора раздавались музыка и шум десятков голосов. В темной гостиной пахло пивом, потом и семечками. Отчим отдыхал за просмотром очередного танцевального воскресного шоу.

Я прикрыла дверь в спальню мамы: завтра рано вставать, не хотелось, чтобы эти звуки мешали ей спать. Не включая света в коридоре, прокралась на цыпочках к дверям своей спальни. У самого порога одна из старых половиц предательски скрипнула.

Не повезло. Сердце забилося в груди отчаянно громко и быстро.

— Нана! — послышалось из гостиной. — Нана, скорее! Иди сюда!

- Сердце на двоих -

Его голос казался довольным и даже возбужденным.

— М? — спросила я, не желая двигаться с места.

— Иди скорей! — повторил он нетерпеливо, и я увидела, как в выхваченном из темноты прямоугольнике света, подзывая меня, двигается его рука.

— Что? — прошептала я, все же нехотя плетясь в сторону гостиной.

— Давай, шевелись! — Привстал, убрал на столик тарелку с семечками и тяжело плюхнулся обратно в кресло. Из бумажного пакетика, зажатого между его ладоней и подлокотником, на пол повалилась шелуха. Его это нисколько не беспокоило — убирать-то все равно другим.

— Мм? — промычала, замерев в шаге от него. Сказать что-то членораздельное не хватило духа, конечно-сти буквально свело от темных мыслей, не дававших покоя последние две недели.

— Садись! — Он, смеясь, наклонился вперед, потянул меня за запястье и в секунду усадил к себе на колени. — Сейчас объявят победителя. Это же твоё любимое шоу, доча!

«Доча». Я стиснула зубы.

«Уже нет. С тех самых пор, как приходится смотреть его в твоём присутствии», — хотелось сказать, но я все-таки промолчала.

Сидела не шевелясь, словно окаменев, пока он наблюдал за происходящим на экране. Почти не дышала, чтобы не вдохнуть ненароком кислые пивные пары из его рта, обжигающие мою шею. Не видела мелькающих в телевизоре ярких пятен, а следила лишь за потными пальцами, впившимися с нажимом в мои бедра. И с нетерпением ждала, когда пустят наконец финальную заставку, чтобы можно было встать и уйти в свою комнату.

Кирилл

— Кирюха, твой брат — точно чудик, — усмехнулся Тим, глядя в сторону гоночного трека.

Я поправил жилет-черепаху, натянул сверху джерси и посмотрел в сторону трассы. Мой брат Илья медленно шел по треку от секции к секции, изучая покрытие под ногами. Да, пожалуй, для всех он выглядел сумасшедшим. Эдаким чудилой из мира суперкросса: странноватым парнем, неразговорчивым, сосредоточенным только на трассе и четко понимающим свои планы и цели.

Пока другие участники общались с прессой и фотографировались с поклонницами, Илья предпочитал в сотый раз проверить байк, настроиться и сканировать взглядом трассу. Он делал это для меня. Потому что после травмы, полученной почти полгода назад, брат пропустил целый сезон и сам не участвовал в гонках.

— Он просто серьезно относится к делу, — я перевел взгляд на свой байк, заботливо подготовленный братом к гонке, — это для тебя, Тим, каждый заезд — очередной повод покрасоваться перед девчонками, а для него... — Улыбнулся. — Ну, в общем, парень живет этим, не то что мы с тобой.

Я подмигнул другу. Да, мы с Тимом Левицким с недавних пор не являли собой образцы ответственных спортсменов. И вчерашний кутеж, закончившийся далеко за полночь, конечно же, не делал нам чести.

— Но в финале-то мы! А Илюха... — Левицкий потянулся и хлопнул меня по плечу. — Прости, братан, но Илюха твой сейчас в заднице.

- Сердце на двоих -

— У него все впереди. — Я сел на скамейку и прикрыл лицо ладонью от солнца. — А я, наверное, завываю. Все. Этот заезд будет последним.

— Шутить? — Лицо Тима вытянулось, он озадаченно провел рукой по ежику черных волос на макушке.

— Не вижу перспектив. — Вот здесь, признаюсь, я немного слукавил.

— Ты?

Я пожал плечами.

— А смысл? — Опустил голову и уткнулся взглядом в новенькие мотоботы. Попросту спрятал глаза от весьма пронизательного друга. — Меня уже не вставляет, надоело.

— Может, ты просто испугался? — Мне в бок снова прилетел нехилый удар. — Глядишь, Илюха восстановится и составит тебе конкуренцию. Придется с ним тягаться, а это, наверное, еще унижительнее, чем проиграть Психу, да?

В желудке неприятно заурчало. Не поминай дьявола, как говорится. Стоило только назвать его имя, как из-за угла вальжной походкой проследовал к мойке сам Ян Коренев по прозвищу Псих. Двадцать три года, пугающая манера дергать плечом при разговоре, агрессивный стиль вождения, чертова косая сажень в плечах и бешеный взгляд, которым он нас сейчас даже не удостоил.

Гонщик в синей форме с номером 13 ленивым жестом поздоровался с бригадой, бортирующей колеса в тени под тентом, хлопнул ладонью по стоящим стопкой запасным шинам и с видом победителя направился к боксам с мотоциклами и находившимися за ними многочисленными фургонами.

— Ты даже рот открыл, — заметил Тим, как только Псих скрылся из виду.

— Что? — спросил я, угрожающе сжимая челюсти.